

Вуколова Варвара Сергеевна,
аспирант кафедры «Русская филология» ФГБОУ ВО «Тамбовский государственный технический университет», г. Тамбов
var.varina2010@yandex.ru

**Концептуальность поэзии Серебряного века
в романах Людмилы Улицкой «Зелёный шатёр»
и Захара Прилепина «Обитель»**

Аннотация. В статье анализируются интертекстуальные включения из творчества поэтов Серебряного века и образы «рыжих поэтов» в романах Л. Улицкой и З. Прилепина. Выявляется, что основной поэтической функцией интертекстом является определение авторской позиции. Доказывается, что образы «рыжих» поэтов у обоих писателей работают на основную идею произведений, выполняя характеризующую персонажей функцию, а также функцию выявления специфики исторических эпох: послереволюционных 1920-х гг. у З. Прилепина и послесталинских 1960-х – 1980-х гг. у Л. Улицкой, интертекстемы из произведений И. Анненского, К. Бальмонта, А. Блока, В. Брюсова, С. Есенина, К. Случевского, Ф. Сологуба и других помогают определить ментальность русского характера. Делается вывод, что поэзия Серебряного века была концептуальной для романов «Зелёный шатёр» и «Обитель» в связи с пониманием обоими писателями литературоцентричности русского ментального мировоззрения, которая не всегда имеет созидательный духовный смысл.

Ключевые слова: интертекстемы, аллюзии, реминисценции, позиция автора, символика.

Раздел: (05) филология; искусствоведение; культурология.

Поэзия Серебряного века в разных ипостасях: и как образ русской культуры, в период предреволюционного брожения умов, и как сюжетообразующее средство, и как индикатор характеров персонажей – присутствует в произведениях многих современных писателей, среди которых – романы Л. Улицкой «Зелёный шатёр» (2011) и З. Прилепина «Обитель» (2015).

Казалось бы, что у таких разнонаправленных художников слова, отличающихся и по методу изображения действительности, и по мировидению, и по жизненному опыту и т. д., может быть мало общего. Тем не менее близость их творений проявляется в ощущении усиленной литературоцентричности русской ментальности, то есть в отношении российского народа к русской литературе как к «воздуху жизни», определяющему жизнь и судьбу всего народа.

В центре обоих произведений находится изображение поэта и поэтических личностей, сформированных поэтико-философской системой Серебряного века. Речь идёт о Миге Меламиде в «Зелёном шатре» и Афанасьеве в «Обители». Оба поэта в сопоставляемых романах бесталанны, но имеют большую любовь к поэзии, «искру» поэтического вдохновения.

Писатели демонстрируют всеобщую увлечённость поэтическим словом и поэтическое восприятие жизни русским человеком. В обоих произведениях именно поэзия Серебряного века является или предметом восхищения и вдохновения для центральных героев, определяет их судьбы, или вызывает негативное осмысление модернизма как одной из главных причин революционной смуты, обнажившей inferнальные силы российского общества.

Миха Меламид – персонаж произведения Улицкой – в глазах «прекрасной Анны Александровны», в которую поэт влюбился «на всю жизнь до самой смерти», предстаёт как эталон «мужчины-борца и почти мученика». Подобный тип мужчин пользовался в начале XX в. большим успехом у женщин – «рыжий, яркий, эмоциональный» [1, 21]. Автор-повествователь, помещая стихи искреннего и жертвенного Михи на страницы романа, развенчивает их примитивизм и низкий уровень, показывая, что хотя они искренние, но неуклюжие.

Захар Прилепин тоже демонстрирует в «Обители» «рыжего, яркого и эмоционального» поэта – Афанасьева, которому симпатизирует главный герой Артём Горяинов, делая его единственным своим другом в Соловецком концлагере, но постепенно разочаровываясь в нём.

Заявление учителя Виктора Юльевича Шенгели у Улицкой, что «поэзия – это сердце литературы, высшая концентрация всего лучшего, что есть в мире и в человеке» [1, 40], развенчивается в романе Прилепина тем, что его протагонист Артём и поэт Афанасьев воспринимают поэзию формально, не ощущая катарсиса, душевного очищения, не становясь лучше, а замыкаясь всё больше в своём эгоизме и праве на «зло», так как любимые и цитируемые Артёмом символисты зачастую выражали идеи разрушительные и пессимистические. Например, «для В. Брюсова разрушительная сила революции непосредственно ассоциировалась с образом Люцифера – ангела, восставшего против Бога... Эти настроения... приводили к презрению к людям, к человеческому “стаду” и к подчеркнутому индивидуализму» [2, 8].

«Рыжие» поэты, несомненно, символизируют не только свою непохожесть на всех людей, но и развенчивающее их несостоятельность клоунство. Хотя герои и Л. Улицкой, и З. Прилепина – трагические фигуры, гибнущие от тоталитарной власти в разные эпохи существования советского государства, они во многом критически осмысливаются обоими романистами.

Прилепинский петербургский поэт Афанасьев представляет 1920-е гг. XX в., период послереволюционной разрухи и Гражданской войны. Он попал в Соловецкий концлагерь за шулерство и организацию притона. Этот персонаж мечтает создать «корявую поэзию», отражающую его время, когда главными стали «навозные слова», то есть выражения, взятые из словесной помойки [3, 60].

Афанасьев уверен, что поэт в их время уже не столько пророк, сколько «чародей» и «трюкач». В романе нет стихов Афанасьева, который только подбирает и озвучивает для Артёма парадоксальные словесные образы. Например, закат на Соловках, по мнению поэта, всегда как бритва: «Афанасьев быстро чиркнул указательным пальцем возле шеи по горлу» [3, 416]. Его образы агрессивны и не отражают реальность.

Для Афанасьева главная тема разговоров – это то, какие стихи он напишет, вернувшись из лагеря: «Я в стихи загоню слова, которых там не было никогда! Фитили! Шкеры! Шмары! Поэма “Мастирка”, представь?» [3, 60]

Желая создать особый «афанасьевский смешок», а на самом деле – глум, замешанный на дерзости и пошлости, питерский поэт заявил, что «будущее поэзии» за «случайными» словами: «Ломоносов писал про три штиля – высокий, средний, низкий – так надо ещё ниже зачерпнуть, из навоза, из выгребной ямы, замешать со штилем высоким – толк будет, поверь!» Обладавшему поэтическим чутьём Артёму, знавшему наизусть множество стихов, сначала было интересно, но, видя предательство и нечистоплотность Афанасьева, герой заявил, что ему нет дела до всех этих стихов: «Нет больше никакой поэзии на свете» [3, 416].

Обзывая его «рыжим поэтом», «рыжей питерской сволочью», «рыжим сочинителем», «стихослагателем», «забубенным балалаечником» и т. д., Артём полагает, что

поэт должен быть нравственной личностью, хотя душевно он тянется к Афанасьеву, жалеет его, как «дурашливое дитя». Неприятны для героя и скабрёзные народные частушки, которые поёт «поэт», намекая на страсть Артёма и Галины. А когда Афанасьев использует старославянскую и церковнославянскую лексику, иронично восторгаясь преобразованием Артёма в процессе его приближения к начальнику Эйхманису («Ты одесную от него сидеть будешь? Или ошуюю?»), то следует «картинный плевок» главного героя в сторону Афанасьева. Артём – эстет, чувствующий красоту слова, но его губит атеистическое мышление. Верно подмечает С. Хромичева: «Это врожденное чувство прекрасного, стремление к гармонии и является единственной идеологией главного героя романа. Эту гармонию, невозможную в жуткой фантазмагорической лагерной жизни, Артем ищет в стихах» [4].

Поэт Миха в отличие от Афанасьева – высоконравственная личность. Он верит в слова учителя Шенгели, который утверждал: «Что говорит великий писатель, то и становится исторической правдой» [1, 43]. Но правда эта разная: у Улицкой это правда «противостояния времени», а у Прилепина это правда «бесовства», доведшего Россию до неисчислимых бед и страданий.

«Не выросшие из детства, полные фальшивой романтикой с инфантильными стишками» – так характеризует Миху и его друзей учитель литературы [1, 43]. Но это люди, не способные на предательство и подлость, как Афанасьев в романе Прилепина.

Общим для мировоззрения обоих персонажей является ощущение «разрыва» между оскорбительной жизнью и жаждой красоты людских отношений, который был непереносим для поэтических натур, изображенных обоими писателями. «Сшить» этот разрыв, по словам Иосифа Бродского, могла только поэзия, к которой они так стремятся. Для них это в первую очередь поэзия Серебряного века, хотя в романе «Зелёный шатёр» для автора-повествователя характерно сильное влияние стихов Иосифа Бродского, основанное на интертексте поэзии М. Волошина и М. Цветаевой. Стихотворение И. Бродского «Конец прекрасной эпохи» (1969), выявляющее тупиковость существования «в этих грустных краях», несет волошинские символы времени, которые берёт Л. Улицкая из стихов И. Бродского: глухонемость («я один их глухих», «только рыбы в морях знают цену свободе. Но их немота»); слепота («Зоркость этих времён – это зоркость к вещам тупика», а «Зоркость этой эпохи корнями вплетается в те времена, неспособные в общей своей слепоте отличать...») [5]. Знаменательно, что эпилог романа Улицкой назван так же, как и стихотворение И. Бродского – «Конец прекрасной эпохи» [1, 577].

Образ поэзии Серебряного века в обоих произведениях создается с помощью интертекстом и аллюзий героев романов. Для центральных персонажей Л. Улицкой актуальна поэзия Марины Цветаевой [1, 75], стихи футуристов, особенно Владимира Маяковского, творчество Анны Ахматовой и Осипа Мандельштама [1, 141], упомянутые стихи Максимилиана Волошина [1, 458] и Владимира Нарбута [1, 428], в то время как герои Захара Прилепина увлекаются больше поэзией Игоря Северянина, Константина Бальмонта, Фёдора Сологуба, Иннокентия Анненского, Андрея Белого и Александра Блока.

Так, стихами Игоря Северянина, например, «упивается» начальник Соловецкого концлагеря Фёдор Эйхманис, который, несмотря на что-то неприятное и болезненное в его лице, «сам напоминал какого-то известного поэта десятых годов и мог располагать к себе» [3, 61]. В «Дневнике Галины Кучеренко» отмечено: «Фёдор (Эйхманис) знал стихи наизусть... Что-то ужасное, вроде Северянина. У него дурной вкус». А до этого Галина объясняет, как будто извиняясь: «А между тем всё было очень молодо, всё время была надежда и поэзия» [3, 712].

О Серебряном веке как о «предшестве», то есть поэтической и идеологической подготовке революции, говорит Василий Петрович Вершинин. Даже на Секирке, когда

герой почти сошел с ума от страха смерти, он сопоставляет свою жизнь с поэзией А. Блока: «Балаганчик... Вот наш балаганчик. Истекаю клюквенным соком. Серебряный век загнали на Секирку... Тут он доходит!» [3, 536]

Местом встречи народа и поэзии Серебряного века называет Соловецкий лагерь Сергей Юрьевич Мезерницкий, бывший белогвардейский офицер, уверяя, что здесь «русский народ и идеи поэтов Серебряного века» сошлись «уста в уста» [3, 312].

В негативном смысле тема поэта и поэзии возникает в самом начале романа «Обитель» как разговор о потере веры, которая процветала в поэзии Серебряного века. Вершинин решил сразу, что Артем является «дитятей» модернистской символистской поэзии: «Начитались всякой дряни в детстве, наверное? Дыр бул щыл в штанах, навьи чары на уме, Бог умер своей смертью, что-то такое, да?» [3, 21]

Артём неспроста стесняется своей любви к поэтическому слову: «Он любил стихи, только никогда и никому об этом не говорил, а зачем?» [3, 41] Протагонист не хочет прослыть романтической натурой среди блатных лагерников.

Василий Петрович называет Артёма «тайный ценитель поэзии» [3, 55], но еще больше было среди персонажей «Обители» явных почитателей Серебряного века. Бывший белогвардеец Мстислав Аркадьевич Бурцев «очень хорошо знал об очевидных преимуществах Брюсова над Бальмонтом – эту тему, естественно, поднял поэт Афанасьев» [3, 54]. Следует многозначительный комментарий повествователя: «Для Артёма разговор про Брюсова и Бальмонта был бы еще любопытнее, чем про ягоды... Бальмонт был единственный поэт, приятный его матери... Казалось нелепым – поест трески и после, прогуливаясь вдоль нар, вдруг поинтересоваться: вот вы здесь накануне вели речь о символистах...» [3, 54]

Насколько глубоки были познания в области поэзии Серебряного века, можно судить по эпизоду, в котором Артём ожидает Галину на свидание: «С тяжестью в груди – словно лежал под мешком с мукой, Артём выждал еще какое-то время, пытаюсь читать про себя стихи, но бросил на полпути, не добравшись после первых строк: ни до палача с палачихой, ни до чёрта, хрипящего у качелей, ни до кроличьих глаз, ни до балующего под лесами любопытного» [3, 442].

В этой сложной интертекстеме сначала речь идёт о стихотворении Иннокентия Анненского 1906 г. «Старые эстонки» (Из стихов кошмарной совести), утверждающем идею Ф. М. Достоевского о том, что «все за всех виноваты»:

Спите крепко, палач с палачихой!
Улыбайтесь друг другу любовней!
Ты ж, о нежный, ты кроткий, ты тихий,
В целом мире тебя нет виновней! [6]

Затем Артём хотел прочитать «Чертовы качели» Федора Сологуба (1907), в котором пессимистически говорится о борьбе сил добра и зла в жизни каждого человека:

Я знаю, чёрт не бросит
Стремительной доски,
Пока меня не скосит
Грозный взмах руки [7].

Следующая аллюзия – «кроличьи глаза» – из стихотворения Александра Блока «Незнакомка» вызвана, очевидно, душевными терзаниями Артёма по поводу его «нечистой страсти» к Галине:

И пьяные с глазами кроликов
“In vino veritas” кричат [8].

А завершается эта обширная интертекстема реминисценцией о стихотворении Валерия Брюсова «Каменщик», говорящем о том, что народ сам своими руками обычно воздвигает себе тюрьму: «Эй, берегись! Под лесами не балуй... Знаем всё сами, молчи!» [9]

В «Зелёном шатре» все персонажи буквально «живут» русской литературой. Главные герои романа называют себя «Люрсы», поскольку являются членами общества «Любителей русской словесности». Они остро чувствуют, что «не было другого такого времени в России, ни до, ни после. Стихи, заполняя воздушное пространство, сами становились воздухом. Возможно, как сказал поэт, “ворованным”» [1, 591].

Основная идея романа – противостояние тоталитарной системе власти. Словом, поскольку все главные герои так или иначе причастны к русской литературе, борются за «свободное парящее слово» и гибнут, сохраняя, распространяя или «добывая» для людей произведения «потаённой» литературы.

Для Ильи Исаевича Брянского, например, русская поэзия, и в первую очередь поэзия Серебряного века, стала не только главным увлечением жизни, но и судьбой. Он уверен: «Высшее предназначение поэта, как оказалось, не Нобелевская премия, а те шелестящие, переписанные на машинке и ручным способом листочки, с ошибками, опечатками, еле различимым шрифтом: Цветаева, Ахматова, Мандельштам, Пастернак...» [1, 141]

Для Саши Стеклова русская поэзия – это путь к пониманию окружающего мира и осознанию своей роли в нем, возможность истинного определения цели своего предназначения в жизни. Для Миши Меламида поэзия стала жизненной Голгофой, мукой в его творческой жизни, жертвенностью и любовью до смерти во имя служения Русскому слову.

Идейный смысл романа «Зелёный шатёр» закодирован в литературном эпиграфе, представляющем собой отрывок письма Б. Пастернака к В. Шаламову от 9 июля 1952 г. В цитате из письма утверждается недостаточность пассивной позиции по отношению к тоталитаризму и содержится призыв к искоренению его трагических последствий («не утешайтесь неправотой времени, его бесчеловечности недостаточно, чтобы, не соглашаясь с ним, тем уже быть человеком») [1, 5]. Главные герои «Зелёного шатра» выстраивают жизнь именно по этой схеме.

В романе «Зелёный шатёр» представлена и классика, изучаемая в школьном курсе (в главах «Новый учитель» и «Люрсы»), и «протестная», «запрещённая» литература, которую читала и распространяла троица «любителей русской словесности». Изучая литературу, мальчики делали вывод, что «прошлое не лучше настоящего», «из всякого времени надо вырываться, выскакивать, не давать ему проглотить себя» – так учил Виктор Юльевич Шенгели [1, 76].

Три главных героя, называя себя «триумвиратом, троицей, триангоном», были, по сути, охарактеризованы автором романа посредством поэзии Серебряного века. Так, характеры Ильи и Ольги возникают сквозь призму восприятия ими стихов В. Маяковского. Для Оли у Маяковского в поэзии было «сладостное чувство общности и единения! Равенство и взаимозаменяемость песчинок, и способность сливаться в единый мощный поток, все сметающий на своём пути. И счастье быть его мелкой частицей... Любимый Владимир Владимирович! Любимый Маяковский!» [1, 187]. Увлечение Оли Маяковским носит оттенок свободы советского человека. Она любит ощущать себя «мелкой частицей великого целого», но, как и поэт-трибун, хочет быть ведомой великой силой идеи свободы.

Для Ильи творчество и личность В. Маяковского представляются двойственными, противоречивыми. Маяковский «огненный, ломкий, ветхий»: «Трибун револю-

ции – с его страхом заразы, детским фанфаронством, пожизненной любовью к женщине, причастной тайной полиции...» [1, 187] Илья любит людей бескомпромиссных, стальных. Он старается быть похожим на поэта в его стихах, но не хочет подражать его поведению в жизни.

Михина судьба тоже характеризуется через отношение к поэзии: «Маяковского он уже пережил, Пастернака впитал, в то время был полон Мандельштамом. Бродский начался чуть позже» – так характеризует его становление повествователь [1, 426].

Поэт Миха отражает не менее трагичную, чем 1920-е гг. XX в., послесталинскую эпоху, когда было под запретом творчество некоторых поэтов Серебряного века, например Марины Цветаевой. Имя Цветаевой возникает в главе «Дружба народов» романа Л. Улицкой, где описаны Всемирный фестиваль молодежи и студентов, проходивший в Москве в 1967 г., и знакомство Ильи и Михи с Пьером Зандом, имевшим русские корни, хорошо знавшим литературу. Оказавшись в Трехпрудном переулке во время прогулки по Москве, Илья показал дом Марины Цветаевой без мемориальной доски. Пьер расстроился, что Цветаеву не печатают в России, но Миха прочел её раннее стихотворение «Кто создан из камня...» [1, 120], доказав, что поэта любят и помнят в России. Мать Пьера знала Марину Цветаеву по Парижу. Ребята были потрясены тем, что Пьер – «живой человек, почти их возраста», представлял давно уже не существующую страну, уехавшую в эмиграцию, – бывшую Россию, которая казалась «призраком, как Брюссель или Париж» [1, 120].

Судьбы Михи и Ильи противопоставлены друг другу в романе по умению быть верным, что выражено автором романа идеями Владимира Нарбута из его сборников «Аллилуйя!» (1912) и «В городе Глухове» [10].

Илья не доверяет никому, даже Михе. Он, спасая себя, раздаёт знакомым в минуты опасности все ксерокопии запрещённых книг: «Вынес, по знакомым распахал» [1, 429]. Миха выбирает другое: стыд за всех, жертвенность и жалость ко всем. Михе близок эпиграф к сборнику Нарбута «Аллилуйя!», а Илье – стихотворение того же Нарбута из сборника «В городе Глухове» «Плавни» («Поёт стоячее болото»). Болото – знак предательства Ильи, а «замлевшая река» – это символ верного Михи. «Опасной», «зловредной» литературой Ильи играет, а Миха «живёт» в ней, чувствуя правду жизни и истину вечного бытия. Оба стихотворения способствуют пониманию характеров и судеб героев, объясняют их разную, но одинаково трагичную смерть.

В сборнике «Аллилуйя!» в качестве эпиграфа взят ветхозаветный псалом Давида № 148. Знаменательно, что первая часть псалма Давида, посвященная восхвалению Господа небесными силами, Владимиром Нарбутом опущена:

Хвалите Господа с небес, хвалите Его в вышних.
Хвалите Его, все Ангелы его, хвалите Его, все воинство Его.
Хвалите Его, солнце и луна, хвалите Его, все звезды света.
Хвалите Его, небеса небес и воды, которые превыше небес.
Да хвалят имя Господа, ибо Он повелел, и сотворились [Пс. 148, 1–5].

Включена в поэму Нарбута только вторая часть псалма, в которой хваления направлены на Землю и её обитателей, сохраняемых Благодатью Высших Сил. Третья часть, представляющая краткое заключение о всеобъемлющей Славе Господа [Пс. 148, 7–14], у русского поэта изменена до противоположности.

Владимир Иванович Нарбут, входивший в «Цех поэтов» Сергея Городецкого, создал свой скандальный сборник «Аллилуйя» в 1912 г., когда модными были атеистические воззрения. Его судьба, как никакая другая, отражает метания и мучения рус-

ской интеллигенции в послереволюционной России: в 1917 г. примкнул к эсерам; после Февральской революции склонялся к большевикам; в 1919 г. был арестован контрразведкой; в 1920-м возглавил Одесское отделение РОСТА с Э. Багрицким, Ю. Олешей, В. Катаевым; в 1928-м исключен из партии; в 1936-м арестован НКВД; в 1937-м сослан в лагерь под Владивосток; в 1938-м расстрелян.

Поэтическое произведение Нарбута отражает «колебание веры», её неустойчивость, стремление исключительно к земному счастью, которые и лишают человека высшей Благодати. Неверующие или колеблющиеся в вере люди от тяжелой судьбы легко сходят с ума, так как у них нет стержня, твердого понимания смысла бытия, нет опоры на Вседержителя.

Миха при всей его душевной развитости, как и лирический герой Нарбута, не обладал верой из-за разрыва традиций с предшествующей православной культурой и поэтому черпал силы из русской поэзии, переживая её как величайшее откровение.

Сопоставительный анализ образа поэзии Серебряного века, созданного в романах Л. Улицкой и З. Прилепина, позволяет сделать следующие выводы. Для образа поэзии Серебряного века в романе Захара Прилепина «Обитель» оказались более актуальными произведения старших символистов, которых называли декадентами (от слова декаданс – упадничество) аз проповедь релятивизма: идеи, что мистическое зло есть вселенская сила, очищающая мир от бытового зла (Ф. Сологуб). Актуальность эта обусловлена авторской интенцией; изображением катастрофы духовного распада. В романе Л. Улицкой «Зелёный шатёр» поэзия Серебряного века тоже отражает особенности уже более поздней эпохи постсталинизма, и поэтому особое внимание автора обращено на запрещенных поэтов (М. Цветаева, А. Ахматова, О. Мандельштам), интертекст стихотворений которых используется также для характеристики душевного состояния героев, выражения авторской позиции и выявления такой черты ментальности русского народа, как литературоцентричность.

Ссылки на источники

1. Улицкая Л. Е. Зелёный шатёр: роман. – М.: Эксмо, 2011. – 592 с.
2. Лотман М. Ю., Минц З. Г. Символизм // Русская литература XX века / под ред. С. И. Тимина. – СПб.: Высшая школа, 2002. – С. 13–31.
3. Прилепин З. Обитель: роман. – М.: АСТ, 2015. – 746 с.
4. Хромичева С. Невозможность гармонии. О романе З. Прилепина «Обитель», издательство АСТ, 2014. Портал Проза.ру Copyright: Светлана Хромичева, 2015. Свидетельство о публикации № 215081001811. – URL: <http://www.proza.ru/2015/08/10/1811>.
5. Бродский И. Конец прекрасной эпохи // Сочинения Иосифа Бродского. Пушкинский фонд. – СПб., 1992. – URL: <http://rupoem.ru/brodskij/potomu-chto-iskusstvo.aspx>.
6. Анненский И. Старые эстонки // Иннокентий Анненский. Стихотворения и трагедии. Сер.: Библиотека поэта. Большая серия. – Л.: Советский писатель, 1990. – URL: <http://rupoem.ru/annenskij/eslinochi-tyuremny.aspx>.
7. Сологуб Ф. Чертовы качели // Три века русской поэзии / сост. Н. Банников. – М.: Просвещение, 1968. – URL: <http://rupoem.ru/sologub/v-teni-kosmatoj.aspx>.
8. Блок А. Незнакомка // Александр Блок. Избранное. – М.: Дет. лит., 1969. – URL: <http://rupoem.ru/blok/po-vecheram-nad.aspx>.
9. Брюсов В. Каменщик // Строфы века. Антология русской поэзии / сост. Е. Евтушенко. – Минск; М.: Полифакт, 1995. – URL: <http://rupoem.ru/bryusov/kamenschik-kamenschik-v.aspx>.
10. Нарбут В. Плавни («Поёт стоячее болото») // Владимир Иванович Нарбут. Стихотворения. – М.: Современник, 1990. – URL: <http://ruslit.traumlibrary.net/book/narbut-stihotvorenia/narbut-stihotvorenia.html#work002002>.
11. Псалтырь 148 // Полный православный молитвослов. – URL: <https://www.molitvoslov.com/text499.htm>.

Varvara Vukolova,

Postgraduate student at the chair of the Russian Philology, Tambov State Technical University, Tambov
kafedraruss@mail.ru

Conceptual poetry of the Silver Age in Ludmila Evgenievna Ulitskaya's novel "Green Marquee" and Zakhar Prilepin's novel "Abode"

Abstract. The paper analyses intertext inclusions from the Silver age poets' creative work and "red poets" images into L. Ulitskaya's and Z. Prilepin's novels. The definition of the author's position is regarded as the main poetic function of intertext items. It is proved that in the work of both writers "red" poets' images make for revealing the main idea of the novels delineating characters' function as well as disclosing the function of peculiar historical epochs: the post-revolutionary 1920s in Z. Prilepin's novel and the Post-Stalin 1960s-1980s in L. Ulitskaya's one; intertext items from I. Annensky, K. Balmont, A. Blok, V. Bryusov, S. Esenin, K. Sluchevsky, F. Sologub and others help to define the mentality of Russian character. The Silver age poetry is concluded to be conceptual for the novels Green Marquee and Abode owing to the authors' comprehension of Russian literature-based mental outlook which doesn't always have creative spiritual sense.

Key words: symbolics, intertext items, allusions, reminiscences, author's position.

References

1. Ulickaja, L. E. (2011). *Zeljonyj shatjor: roman*, Jeksmo, Moscow, 592 p. (in Russian).
2. Lotman, M. Ju. & Minc, Z. G. (2002). "Simvolizm", in Timin, S. I. (ed.). *Russkaja literatura HH veka*, Vysshaja shkola, St. Petersburg, pp. 13–31 (in Russian).
3. Prilepin, Z. (2015). *Obitel': roman*, AST, Moscow, 746 p. (in Russian).
4. Hromicheva, S. (2014). *Nevozmozhnost' garmonii. O romane Z. Prilepina "Obitel'"*, izdatel'-stvo AST,. Portal Proza.ru Copyright: Svetlana Hromicheva, 2015. Svidetel'stvo o publikacii № 215081001811. Available at: <http://www.proza.ru/2015/08/10/1811> (in Russian).
5. Brodskij, I. (1992). "Konec prekrasnoj jepohi", in *Sochinenija Iosifa Brodskogo*. Pushkinskij fond, St. Petersburg. Available at: <http://rupoem.ru/brodskij/potomu-cto-iskusstvo.aspx> (in Russian).
6. Annenskij, I. (1990). "Starye jestonki", in *Innokentij Annenskij. Stihotvorenija i tragedii*. Ser.: Biblioteka pojeta. Bol'shaja serija, Sovetskij pisatel', Leningrad. Available at: <http://rupoem.ru/annenskij/esli-nochityuremny.aspx> (in Russian).
7. Sologub, F. (1968). "Chertovy kacheli", in Bannikov, N. (ed.). *Tri veka russkoj poezii*, Prosveshhenie, Moscow. Available at: <http://rupoem.ru/sologub/v-teni-kosmatoj.aspx> (in Russian).
8. Blok, A. (1969). "Neznakomka", in *Aleksandr Blok. Izbrannoe*, Det. lit., Moscow. Available at: <http://rupoem.ru/blok/po-vecheram-nad.aspx> (in Russian).
9. Brjusov, V. (1995). "Kamenshhik", in Evtushenko, E. (ed.). *Strofy veka. Antologija russkoj poezii*, Minsk; Polifakt, Moscow. Available at: <http://rupoem.ru/bryusov/kamenschik-kamenschik-v.aspx> (in Russian).
10. Narbut, V. (1990). "Plavni ('Pojot stojachee boloto')", *Vladimir Ivanovich Narbut. Stihotvorenija*, Sovremennik, Moscow. Available at: <http://ruslit.traumlibrary.net/book/narbut-stihotvorenija/narbut-stihotvorenija.html#work002002> (in Russian).
11. "Psaltyr' 148", *Polnyj pravoslavnyj molitvoslov*. Available at: <https://www.molitvoslov.com/text499.htm> (in Russian).

Рекомендовано к публикации:

Поповой И. М., доктором филологических наук;
 Горевым П. М., кандидатом педагогических наук,
 главным редактором журнала «Концепт»

Поступила в редакцию <i>Received</i>	10.05.16	Получена положительная рецензия <i>Received a positive review</i>	12.05.16
Принята к публикации <i>Accepted for publication</i>	12.05.16	Опубликована <i>Published</i>	30.05.16

© Концепт, научно-методический электронный журнал, 2016

© Вуколова В. С., 2016